

«Мерзебургские заклинания»*

*Языческие заговоры – дохристианское устно поэтическое творчество германских племен, один из немногих сохранившихся памятников (записано предположительно в X веке), В. М. Жирмунский, академик АН СССР «История немецкого языка».

* два раннесредневековых заклинания, написанных на древневерхненемецком языке. Являются единственными сохранившимися на этом языке памятниками немецкой языческой культуры; в них упоминаются персонажи германо-скандинавской мифологии. Были обнаружены Георгом Вайцем в 1841 году в богословской рукописи из Фульды, записанной в IX или X веке. Эта рукопись находится в библиотеке кафедрального собора в **Мерзебурге**; принятое название заклинаний происходит от данного города. Заклинания были впервые опубликованы Якобом Гриммом (один из братьев сказочников).

Сию, слушаю Клауса Вурманна замечательный альбом, читаю Жирмунского историю замечательного немецкого языка и верю в который раз всем случающимся на белом свете совпадениям. Жирмунский пишет о «Мерзебургских заклинаниях», Клаус поет тоже что-то мистическое,

приплясывая пальцем на струнах баса. Мерзебург, Титмар, теперь вот «заклинания» всплыли для меня! Миру они известны аж с X века, а может и раньше.

Так вот – Мерзебург! Маленький немецкий городок на стыке самых значимых в культурном плане немецких земель. Птица, парящая в небе, может, наверняка, охватить одним «рыбьим» глазом кусок Тюрингии, саксонские Лейпциг и Дрезден, и глубоко между лесов и болот Межеборье, Мерзебург. А если птичка резко возьмет на Юг, к Альпам, то непременно уткнется клювом в Рудные горы с их сказаниями, легендами, минералами. Там где-то, когда-то ходили туда-сюда, охочие до открытий Лютер, Бах, Ницше, даже Миклухо-Маклай, да и Ломоносов «наш весь». И мне довелось два года жить в Мерзебурге. Я сам того не понимая, не сознавая, не оценив тогда по существу, впитывал в себя и заклинания и хроники и дух и музыку и запах угольно-дымного утра.

Почему или правильнее сказать, спросить, зачем я очутился в тех древних славянских, германских землях? По воле случая или по воле Бога? Кто знает? Бог знает! Я встретил в том месте, в тех землях разных людей, плохих, но больше хороших. Я много открыл для себя в себе и в других, стал видеть мир иначе, чем раньше. Мерзебург, Межеборье – моё место, место моих, или ставших моими, заклинаний!

Заклинание 1

"Однажды сидели жёны, сидели почтенные там

Некоторые оковы ковали, некоторые войско останавливали,

Некоторые развязывали узы:

Избавься от оков – уз, избеги сражающихся!"

(первое из двух заклинаний в доступном переводе)

Перевод с сайта: https://dom-knig.com/read_265181-25

Какая-то птица отчаянно колотила клювом по крыше кунга, останавливалась на секунду, видимо отдыхая, и начинала снова с удвоенной силой.

- Какая гадина ей там хлеба крошила? – спросил Гунькин и стукнул кулаком в потолок.

- Вам-то всем по фиг, а мне слышно.

В кунге никто не отреагировал ни на вопрос, ни на замечание Гунькина. Если не считать надоедливую птицу сверху, внутри царила тишина. Трое бойцов, уткнув головы в приемники, вели радиоперехват. Все трое были в наушниках и, несмотря на то, что наушники, как водится, одеты «в пол уха» ничего не слышали. Один Гунькин сходил с ума от птицы, от молчаливых бойцов и от возможного «палева» ротным.

- И на хрен я к вам забрался, - отчаянно прошипел Серега и высунулся из двери кунга наружу.

- Кажись, пронесло! – Сказал Гунькин и выскользнул из кунга, ловко спрыгнув на траву.

- Ушел, Слава Богу! – Воскликнул Бодя, сорвав наушники и бросив их на «котран».

- Чего он шифруется-то? – спросил Леха.

- От ротного бегают. Товарищ старший лейтенант его обещал на вторые сутки в наряд загнать, - Бодя, вытянулся как смог на кресле, смешно растопырив ноги и руки в разные стороны.

В кунге «вели радиоперехват» трое бойцов: Леха Гастев, старший смены Бодя, то есть Саша Богданов и пока еще ни слова не сказавший Димка Огурцов. Димка молчал не просто так. Он молчал, потому что знал, ему сейчас лучше молчать. Ведь именно он невольно подставил Гунькина, нарушив совершенно не специально, священное правило казарменного этикета, доложив во всех деталях о происшествии в карауле недавней ночью. Конечно, он не сказал все-таки всей правды, ума хватило, но и того, что сказал было достаточно, чтобы ротный старший лейтенант Рудаков пообещал Гунькину неделю непрерывных нарядов по автопарку. И только учения, на которые выехал практически весь полк, спасли Серегу от наказания. Вернее так Рудаков вроде как забыл о Гунькине в суматохе учений. Серега наивно полагал, что если не будет показываться ротному на глаза, то глядишь и пронесет!

А недавней ночью в карауле случилось вот, что.

Димка заступил в караул в хорошем настроении. Он любил караул. Любил бродить по большому парку с автоматом наперевес и мечтать о своем. Вообще, больше всего Димка любил мечтать. А еще он любил прийти с поста

ночью, с холода в тепло караулки, и засесть с чаем и книжкой в кухне до следующей смены, пока все спят. В карауле можно было почувствовать себя хоть ненадолго свободным, ну почти свободным. Никто не пристаёт с ерундой, никто не донимает странными и непонятными Димке вопросами про «сколько дней до приказа» и тому подобной хренью. Ходишь себе спокойно по посту и чувствуешь себя не только солдатом, но еще и человеком. А это дорогого стоит. Так вот, ходит Димка такой свободный, дышит свободой, можно сказать, немцы спят в своих домах, окружающих парк неровной стеной и в этот самый, что ни на есть романтический момент, кто-то лезет через забор автопарка. А кто лезет не видно, как раз в это место не доходит луч прожектора, да и туман как обычно, как всегда некстати.

Димку словно окатили из ведра студеной водой. Он вмиг похолодел, потом быстро, быстро, перебирая лапками, или что там у них есть, побежали мурашки по спине. На мгновение Димка одеревенел, в следующее мгновение он направил дуло Калашникова на застывшую на заборе фигуру и проорал по-немецки: Хальт вер ист да. Хальт их верде шиссен.

Потом, как то странным образом большой палец «сыграл» вниз и снял автомат с предохранителя, а указательный твердо нажал на курок. Хорошо хоть дуло смотрело на небо, а то б беды не избежать. Прогремел выстрел. Фигура на заборе, словно скошенный камыш рухнула на плац парка. Пот влажной и теплой волной смыл всех мурашек с Димкиной спины. Наступила тишина, которая показалось еще более звенящей после прозвучавшего секунду назад выстрела.

- Ты чего Огурец, это же я Гунькин, - почти фальцетом просифонил Серега, поднимаясь с земли, - я же за пивом лазил, тебе чего Козлов не сказал.

Козлов, которого менял на посту в парке Огурцов, конечно, забыл в предвкушении ужина, чая и теплой караулки вообще обо всем на свете, а уже тем более про Гунькина.

- Ничего мне Козлов не сказал, - оправдался Димка, так ведь Козлов и вправду ничего не сказал.

Гунькин сориентировался быстро и слинял в сторону пантонерских казарм. Через минут пять прибежал начальник караула Кадаш, с ним дежурный по штабу капитан Кукса, ответственный по полку майор Решетарь, ну и два бойца с караула.

- Чего стрелял Огурцов, - поправляя очки, сползшие на кончик носа, спросил, вернее, прокричал лейтенант Кадаш.

- Так ведь Гу, Гу...

- Чего ты гундосишь, Огурцов, чего стрелял, спрашиваю, - Кадаш нервничал, как и все остальные, обступившие Димку со всех сторон.

- Кто-то показался над забором, вот и стрельнул, - промямлил Димка.

- Ты что дурак, Огурцов? – воскликнул Кадаш и обращаясь к ответственному спросил, - товарищ майор, куда его теперь?

- Да никуда. Сменить и пусть утром пулю или хоть гильзу найдет, долбоящер, - ответил Решетарь и махнув рукой зашагал обратно к штабу полка.

Дежурный по части капитан Кукса заспешил вслед за майором, напутствуя начальника караула ухмылкой.

Димку сменил на посту Вильшонков. Вилли принял пост и зевая, поплелся вдоль боксов.

Пришли в караулку. Сдали оружие. Принялись распекать Огурцова. Распекали все, кому не лень. Кадаш, как начальник Караула и Субботин, как старший смены. Кадаша Димка совсем не боялся. А Субботина боялся и сильно. Как боялся, так и вышло. Кадаш пригрозил разговором с ротным и собственно все, если не считать утренний поиск стрелянной гильзы. А Субботин больно ткнул кулаком Димкины ребра, когда вышли от Кадаша и прошипел, - я с тебя глаз не спущу, запорщик.

Ладно бы так все и закончилось, но предстоял разговор с Рудаковым. И он состоялся. Да, забылось как-то, Димка нашел гильзу, а вот пуля куда-то улетела, наверное. Утром перед разводом ротный слушал рассказ рядового Огурцова, сидя за столом в канцелярии первой роты.

- Ты давай, давай Огурцов говори, что там случилось? Кто лез? – подгонял ротный Димку, заметно раздражаясь.

Димка опять что-то растерялся.

- Гу, гу, - снова как и ночью в карауле загундосил, по меткому выражению Кадаша и вдруг выпалил, - Гунькин через забор лез.

- Стоп. Что ты сейчас сказал, боец? - Рудаков вскочил со стула, показав изумительную прыткость, хоть это и может показаться маловероятным при его Рудакова мощной фактуре.

- Гу, гу. Гунькин, товарищ старший лейтенант.

- Как же ты мимо-то попал, Огурцов? А? - Рудаков заразительно засмеялся и закричал во все горло, на всю казарму, - Гунькина ко мне!

- И он, что, с города лез?— продолжал допрос ротный.

- Да, не. Он, что-то в машине забыл с выезда, - складно врал Димка.

- Ладно, разберемся, - вроде поверил старший лейтенант.

На этом, собственно говоря, история для Димки Огурцова заканчивается и начинается невеселая история для Сереги Гунькина, которого ротный и так особо не жаловал. Ротный «сор из избы» выносить не стал, по армейской старой доброй традиции. Гунькину были обещаны наряды через день до дембеля. Димке был обещан отпуск. Все-таки был ведь кто-то на заборе. Про отпуск, как водится, забыли со временем. Ну и главное, Димка промолчал про пиво, с которым Гунькин лез с города, натюрлих. Ума у Димки на это хватило.

А теперь полк был на учениях. Димка сидел с ребятами на смене. Гунькин прятался по кунгам. Короче жизнь шла своим чередом.

Заклинание 2

"Фоль и Водан ехали к лесу.

Тогда у кобылы Бальдра была вывихнута нога.

Тогда заклинала её Синтгунт Сунна её сестра.

Тогда заклинала её Фрейя, Фолла её сестра.

Тогда заклинал её Водан так хорошо, как он умел

И от вывиха кости, и от вывиха крови, и от вывиха сустава:

Кость к кости, кровь к крови,

Сустав к суставу да приклеятся".

(второе из двух заклинаний в доступном переводе)

Прапорщик Винцель, Ян Карлович любил употреблять спирт во всех его химических проявлениях. Днем раньше начала общевойсковых учений группы войск Винцель вернулся из отпуска. Вечером намечались посиделки в кругу сослуживцев, обыкновенное проставление, все как всегда. Но вечером в квартиру прапорщика пришел только верный друг Высоцкий и сообщил, что больше никого не будет.

- Утром, до подъема еще, тревогу объявят. Полк в полном составе выезжает. Я тебе только ничего не говорил, сам понимаешь, военная тайна, - подмигнув глазом, пропел Высоцкий и, щелкнув пальцами, добавил, - но и это не помешает нам с тобой отметить возвращение «блудного прапора», а Карлыч?

- А то! – воскликнул Винцель и полез в чемодан за «Московской».

Как и обещал старший прапорщик Юра Высоцкий, утром еще до подъема объявили тревогу. Полк сорвался с насиженного места, как встревоженный медведем улей. Машины, груженные техникой и бойцами, спешно покидали гарнизон, громыхая колесами по старой брусчатке.

Немцы, привыкшие к странному поведению русских, особенно ранним утром еще до подъема, особенно в субботнее утро, просто продолжали спать. Немногие, лишь повернувшись к сопящей рядом жене или подруге, бормотали, - опять у них учения группы войск!

По-немецки это бормотание звучало не менее симпатично:

wieder haben Sie übungen der truppengruppe!

В армии есть хороший обычай, или это в уставе так записано, что тревога касается всех. Даже тех, кто только что, буквально накануне, вернулся из отпуска. И Яна Карловича тревога тоже коснулась. Позавтракать не успел, запить обиду несостоявшегося сабантуя по случаю возвращения было уже не чем: Юра все-таки заходил. Пришлось бежать к «ЛИРовским» боксам «на сухую».

Полк развернулся, как обычно, машинами в лесу, лучами антенн в поле. Окружающая обстановка самая что ни на есть благостная. Смешанный немецкий лес, свежая пахота земли и на краю поля деревушка с высоким шпилем лютеранской кирхе, на дальнем горизонте еле видна мельница. Загляденье! Присутствие русских солдат выдавало только кряхтенье генератора, да дым от полевой кухни. Караулы выставлены, бойцы на смене боевого дежурства – всё, как говорится, в ажуре. В то время, когда командир полка Косолапов водил по расположению проверяющего из штаба армии,

прапорщик Винцель тоже «шарился» между кунгов и палаток в поисках спасительного глотка. Наконец, Ян Карлович просочился в палатку первой роты, где как раз разбирался с картами старший лейтенант Рудаков.

- Иваныч, есть чего плеснуть? – Начал с разбега в карьер Винцель.

- Да, найдется, Ян! Заходи, - ротный пригласил прапорщика внутрь.

- Ты что-то совсем плохой. Худо, Карлыч? – Воскликнул Рудаков, наливая в эмалированную кружку спирт из фляжки.

- Да, я прямо из-за стола. Короче, повезло! – Ян Карлович взял двумя руками кружку и медленно выпил не отрываясь.

Допив, Винцель присел было на патронный ящик у входа, но снаружи послышался шум приближающихся людей. Винцель застыл в полу присядке и как-то весь напрягся. Рудаков по голосу узнал папу и проверяющего.

- Сиди! – Скомандовал ротный и вышел навстречу Косолапову.

Вдруг со всех сторон застрочили автоматы, а в небе показались белые полотнища парашютов. Рудаков, папа и проверяющий из штаба армии застряли на входе в палатку, задрав головы вверх. Стрельба не утихала, рядом с палаткой приземлялись десантники и со страшными гримасами бросались в атаку.

- Извините. Разрешите пройти? – Совсем не по уставу, без отдания чести спросил, показавшийся в проеме входа Винцель и, протиснувшись среди офицеров, тут же рухнул лицом в траву.

- Вот и первый раненый! Носилки сюда, быстро! - После небольшой паузы воскликнул командир полка, указав рукой на прапорщика, плашмя лежащего в ногах.

Если не считать эпизод с Винцелем, то ситуация в полку была далеко не смешная. Выяснилось, что посыпавшийся с неба десант должен был быть сюрпризом для полкового охранения, так сказать, проверкой. Полк проверку прошел на отлично. Сидящие на смене, бойцы просто напросто закрылись в своих кунгах. Караульные залегли в окопах, отрытых накануне, и открыли ответную стрельбу. Да, забыл сказать, что начальник штаба полка в последний момент можно сказать перед атакой с неба приказал заменить боевые патроны в карауле на холостые, а иначе было бы совсем не до смеха. Такой вот Винцель получил!

/ Маслов. Дм. 2020 год